

полняющий заповеди Господни, пали под ударами неверных.

Из авангарда никто не участвовал в сражении; они раскинули палатки, предались отдыху и ничего не знали о случившемся. Но, заметив, что арьергард слишком долго не подходит, они начали опасаться и думать, не случилось ли с ним какое-нибудь несчастье. Король лично присутствовал в сражении; но когда число окружавших его начало уменьшаться и турки овладели полем битвы, несколько французских воинов схватили лошадь короля под уздцы и принудили его удалиться на возвышенность, находившуюся вблизи. Там они оставались до ночи; но потом им показалось более разумнее спуститься и отправиться по какой-нибудь дороге, нежели оставаться окруженными неприятелем. В таком затруднительном положении кто мог иметь довольно мудрости, чтобы дать совет королю, которому угрожают опасности отовсюду? Враги обступали вокруг; армия погибла; никто не знал, по какой дороге следует идти; но Бог, не покидающий никогда тех, которые падеют на него, ниспослал им утешение. Пилигримы заметили зажженные огни и, узнав по ним лагерь авангарда, отправились к его палаткам. Турки же, опасаясь, чтобы авангард не вернулся под покровом ночи для помощи христианам, отступили. Некоторые рассказывают, что король оставался на вершине того холма с небольшим числом воинов, между которыми находились многие, не любившие его, и которые, не зная о его присутствии, изрыгали против него хулу. Король мужественно защищался на холме; но, видя, что с приближением почти темноты разделит сражающихся, он удалился под дерево; потом, взобравшись на ветви, он долгое время защищался мечом против турок. Неприятель, опасаясь ночного мрака и прибытия помощи королю, удалился с быстротой. Когда авангард увидел короля и узнал о случившемся несчастье, по всему лагерю распространились печаль, стоны и плач. Не было никого, кто не оплакивал бы кого-нибудь из своих: один утратил отца, другой сына, иной брата, иной дядю. Если бы горе дало возможность размышлению, то христиане легко могли бы понять,

какой опасности подвергает их такое отчаяние, ибо турки, заметив то, поняли бы, до какого крайнего положения доведена армия, и без труда или истребили бы ее, или взяли бы в плен. Однако некоторые из христиан, ускользнувшие из оков неверных, возвратились в лагерь, укрываясь сначала в кустарнике и пещерах; но число их было ничтожно по сравнению с павшими в битве. С того дня количество съестных припасов стало уменьшаться, а вскоре и люди, и скот почувствовали в нем недостаток. Не могли ничего найти для поддержания жизни, потому что лагерь не имел никакого подвоза съестных припасов. Опасность была тем больше, что никто в армии не знал страны и не мог сказать, в которую сторону следовало идти. Христианские воины походили на заблудших овец; они бросались то налево, то направо; то опускались в долины, то поднимались на горы. Но волей Божьей, наконец, армия достигла города Сатални (Атталния). Удивительно то, что ни один турок не являлся перед ней, и ей не предстояло ни выдерживать битв, ни бороться с другими препятствиями со стороны неприятеля; для многих это обогатительство было предметом и изумления, и радости.

Сатални расположена на морском берегу и принадлежит Греческой империи; в ее окрестностях находятся поля, весьма удобные для обработки и которые давали бы обильную жатву, если бы их возделывать; но они ничего не приносят ни земледельцам, ни горожанам, потому что турки, владея соседними замками, угнетают жителей до того, что они не могут посвящать себя никакому труду. Но в стенах Сатални находится довольно земли для производства хлеба и всего необходимого для человека. Вблизи стен устроены прекрасные фонтаны, восхитительные дачи, где растут всякого рода деревья. Хлеб очень дешев, потому что кушцы привозят его морем; но торговля идет худо, вследствие притеснений турок, если город не платит им ежегодной дани. Турки называют этот город *Ахалией*, по прозванию большой горы, которая господствует над ним и тянется из Ликседона до морского берега к о. Кипру; греки называют этот город